

2. Заславская, Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция [Текст] / Т. И. Заславская. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Дело, 2003. – 568 с.
3. Исламшина, Т. Г. Дифференциация ценностных ориентаций студентов [Текст] / Т. Г. Исламшина, О. А. Максимова, Г. Р. Хамзина // Социс. – № 6. – 1999. – С. 132-136.
4. Лисовский, В. Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование) [Текст] / В. Т. Лисовский. Тугариновские чтения. Материалы научной сессии. Серия Мыслители. Выпуск 1. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 40-44.
5. Мадди, С. Р. Теории личности: сравнительный анализ [Текст] / С. Р. Мадди; пер. с англ. – СПб.: Речь, 2002. – 539 с.
6. Попов, В. А. Изменение мотивационно-ценностных ориентаций учащейся молодежи [Текст] / В. А. Попов, О. Ю. Кондратьева // Социс. – № 6. – 1999. – С. 96-99.
7. Серый, А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика [Текст] / А. В. Серый; науч. ред. М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 272 с.
8. Яницкий, М. С. Модификация методики Р. Инглхарта для изучения ценностной структуры массового сознания [Текст] / М. С. Яницкий // Сибирская психология сегодня: сборник научных трудов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – С. 189-195.
9. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система [Текст] / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. – 204 с.

УДК 159.938:922.2

Г. П. Горбунова

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В СТРУКТУРЕ САМОСОЗНАНИЯ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Построение «теории личности «во времени» в противовес чисто структурным ее описаниям, абстрагированным от реального временного протекания ее жизненного цикла», остается одной из важнейших задач современного человекознания [2].

Траектория движения человека в его жизненном мире, его реальный жизненный путь обусловлены множеством объективных и субъективных факторов, существенное место среди которых занимает субъективная картина жизненного пути личности. Человек как развитая индивидуальность со своими ценностями, жизненными программами и ориентациями – не «бытие, брошенное в мир», а, скорее, человек, творящий свой жизненный путь и идущий по нему, отнесены к любой личности, являющейся творцом своей жизни.

Важнейшим компонентом субъективной картины жизненного пути выступают представления личности о характере отношений между происшедшими, происходящими и предстоящими событиями ее жизни. Отражаясь в сознании человека, эти отношения образуют сложную субъективную структуру межсобытийных связей, в которой то или иное событие может быть представлено либо как причина или следствие других событий, либо как их цель или средство.

Единицей анализа и измерения психологического времени является межсобытийная связь. При этом единицей психологического прошлого выступает реализованная связь между двумя событиями хронологического прошлого, единицей психологического настоящего – актуальная связь между событиями хронологического прошлого и будущего, единицей психологического будущего – потенциальная связь событий хронологического будущего [4].

Психологическое время личности – это реальное время психологических процессов, состояний и свойств личности, в котором они функционируют и развиваются на основе отраженных в непосредственном переживании и ценностном осмыслении объективных временных отношений между событиями жизни различного масштаба. Время в сознании и поведении человека приобретает конкретное психологическое содержание как элемент культуры, уровень развития которой определяет доминирующую в данном сообществе концепцию времени. Временные понятия человека всегда определены той культурой, к которой он принадлежит. Взятые в биографическом масштабе, психологическое время предстает как осмысление человеком своей жизни, отношений между основными событиями жизненного пути личности.

Переходя с языка механизмов психологического времени на язык его феноменологии, можно предположить, что реализованность психологического времени осознается человеком в форме особого переживания своего «внутреннего» возраста, который, в отличие от хронологического, биологического и социального, может быть назван психологическим возрастом личности. Прежде чем рассмотреть его подробнее, необходимо сделать некоторые замечания.

Понятие «психологический возраст», как указывалось, нередко упоминается в научной литературе. Однако чаще всего оно ассоциируется с возрастом психических или психофизиологических функций, наиболее ярким примером чего является «интеллектуальный возраст», определяемый путем сравнения результатов решения человеком различных тестов со средними результатами в данной возрастной (хронологической) группе. Такое понимание возраста, несмотря на свою распространенность,

представляется теоретически некорректным. Дело в том, что понятие возраста имеет вполне определенную временную нагрузку, являясь характеристикой длительности существования той или иной системы и выступая, по существу, мерой ее прошлого. Поэтому понятие «возраст» производно от понятия «время» и не может быть определено без понимания того, о каком времени идет речь и что выступает единицей измерения этого времени. Использование понятия «возраст» теоретически оправдано лишь в том случае, если оно носит именно временной смысл с возможностью измерения соответствующих ему единиц времени [6].

Что же касается понятия «психологический возраст личности», то этот возраст - мера психологического прошлого личности, подобно тому, как хронологический возраст - мера его хронологического прошлого.

Специфические особенности психологического возраста таковы. Во-первых, психологический возраст - это характеристика человека как индивидуальности и измеряется в ее «внутренней системе отсчета» (как интраиндивидуальная переменная), а не путем интериндивидуальных сопоставлений. Для того чтобы определить психологический возраст личности, достаточно знать лишь ее собственные особенности психологического времени. Во-вторых, психологический возраст принципиально обратим, то есть человек не только стареет в психологическом времени, но и может молодеть в нем за счет увеличения психологического будущего или уменьшения прошлого. В-третьих, психологический возраст многомерен. Он может не совпадать в разных сферах жизнедеятельности. К примеру, человек может чувствовать себя почти полностью реализовавшимся в семейной сфере и одновременно ощущать нереализованность в профессиональной [5].

Благодаря механизмам децентрализации, происходит не только изменение реализованных и потенциальных отдельных событий, а соответственно и оценок их удаленности, но и изменение удельного веса психологического прошлого, настоящего и будущего в целостной субъективной картине жизненного пути и тем самым - изменение психологического возраста личности. Таким образом, выявлено, что психологический возраст является мерой реализованности психологического времени личности.

При постановке проблемы возраста, которая принята в психологии, практически неисследованным остается вопрос о субъективном отношении человека к собственному возрасту, о том, каким образом объективная хронологическая мера времени жизни трансформируется в самооценку возраста, определяемую в сознании личности на основе обобщенного отражения особенностей жизненного пути в целом и его отдельных этапов.

Во внутреннем чувстве возраста есть много анонсов, которые связаны с переживанием времени. Время может казаться безвозвратно утраченным, и тогда возникает ощущение, будто «жил меньше своего возраста». И часто мы оцениваем возраст человека, ориентируясь не на количество лет, которые он прожил, а на собственное внутреннее ощущение,

основанное на представлениях о его личностных качествах. Таким образом, наряду с известными измерениями возраста существует также и особый аспект, связанный с его субъективной оценкой, предполагающей действие глубинных механизмов обобщения временных отношений. Можно предположить, что человек оценивает себя моложе или старше хронологического возраста, исходя из более серьезных оснований, чем просто желание видеть себя в том возрасте, который кажется ему наиболее привлекательным, хотя и этот фактор необходимо учитывать.

Для подтверждения данного предположения проведено исследование, в котором приняли участие 83 человека с высшим образованием в возрасте от 21 до 44 лет (женщин - 40, мужчин - 43). Все они должны были провести на себе описанный мысленный эксперимент: представить, что не знают своего истинного календарного возраста и ответить на вопрос: «Сколько Вам лет?», после чего сообщить экспериментатору год своего рождения [7].

Результаты показали, что лишь у 24 % опрошенных субъективная оценка возраста полностью совпадала с возрастом, определяемым по дате рождения, или отличалась от него с незначительной разностью (± 1 год). Большинство же опрошенных (55 %) считали себя более молодыми, чем это было в действительности; у 21 % опрошенных оценки возраста оказались завышенными, то есть они чувствовали себя старше. Средняя абсолютная разность между субъективной оценкой и реальным возрастом составила 4,2 года при разбросе от 21 года в сторону занижения своего возраста до завышения на 11 лет.

Здесь прежде всего привлекает внимание тот факт, что, оказавшись в ситуации, когда истинный хронологический возраст неизвестен (даже условно), большинство испытуемых значительно помолодели, то есть их собственная оценка возраста была ниже его действительного значения [6].

В исследовании А. А. Кроника была обнаружена определенная тенденция, которая может быть обозначена как феномен консервации возраста и состоит в следующем. При отсутствии половых различий в адекватности самооценок отчетливо проявились различия между испытуемыми, принадлежащим к разным возрастным группам. Во-первых, с возрастом значительно увеличивается число лиц, оценивающих себя более молодыми, чем в действительности в группе до 30 лет. Таких оказалось 47%, а в группе 30 и более лет - 73 %. Во-вторых, степень занижения возраста в самооценках также значительно увеличивается: в группе до 30 лет средняя величина занижения собственного возраста составила 3,6 года, а в группе свыше 30 лет - 8,3 года [6].

Приведенные данные свидетельствуют о несовпадении субъективной оценки и действительного возраста. В силу значимости этих различий и выраженной тенденции возрастной консервации это несовпадение не может быть интерпретировано как результат случайных ошибок. Какими же факторами оно может быть обусловлено?

Во-первых, можно предположить существование у человека некоторого «счетчика» годовых циклов психофизиологической активности, на основании показаний которого формируются оценки собственного возраста.

Второе возможное объяснение этого несовпадения может быть найдено в социальных факторах, обуславливающих оценку личностью собственного возраста. Таким фактором может выступить существующая в обществе система возрастно-ролевых ожиданий, предъявляемых к достижению личностью определенного статуса, соответствующего тому или иному возрасту. С этой точки зрения самооценка возраста является результатом сопоставления личностью своих наличных достижений в различных сферах жизнедеятельности с предъявляемыми к ней возрастно-ролевыми ожиданиями.

В случае, если достижения человека опережают социальные ожидания по отношению к нему, он будет чувствовать себя старше истинного возраста; если же человек достиг меньшего, чем от него ждут в данном возрасте, то он будет чувствовать себя моложе.

Действие этого механизма может быть проиллюстрировано результатами описанного выше исследования. Была подобрана однородная по профессиональному статусу группа молодых инженеров (41 человек), первый год после окончания вуза работающих на одном и том же предприятии. Опрашиваемые были приблизительно одного возраста – 23-25 лет. Этот возраст являлся в настоящее время в нашей стране актуальным возрастом вступления в брак, а следовательно, люди этого возраста испытывают определенные возрастно-ролевые ожидания к достижению ими соответствующего семейного статуса вступления в брак и создания собственной семьи.

Используемое здесь понятие «возрастно-ролевые ожидания» введено Е. В. Некрасовой. Оно означает нормы и требования, предъявляемые к индивидам, достигшим границ определенного возраста, и отражается в ожидании от них включения в круг определенных ролей, соотносящихся с данным возрастом и социальным статусом.

"Холостые и незамужние" доминируют в занижении оценки возраста (63 %). В группе "женатые и замужние" лишь 21 %, большинство же испытуемых описывают себя соответственно своему возрасту или несколько старше.

Таким образом, рассогласование между самым ранним возрастом человека и его самооценкой можно объяснить закономерностями трансформации социально-временных отношений в жизнедеятельности личности. До сих пор речь шла о внеличных (биологических и социальных) объективных факторах формирования самооценок возраста. Но эти факторы не единственные, так как они определяют возраст лишь как меру прожитого времени жизни, меру прошлого. Однако время жизни личности – это не только прожитые годы, но и те, что предстоит прожить в будущем, представление о которых может выступать субъективным фактором,

воздействующим на самооценку возраста. Каков же механизм этого воздействия?

Изменим условия предложенного выше мысленного эксперимента. Как и прежде истинная дата рождения неизвестна, однако пусть испытуемый представит, что ему точно известно, сколько всего лет (от рождения до смерти) будет им прожито. В этом случае, дав какую-либо оценку своего возраста, он не только определит, сколько лет уже прожито, но и сколько проживет в будущем.

Здесь мы оперируем понятием "ожидаемая продолжительность жизни", которая включает в себя два слагаемых: прожитые годы как меру прошлого, и предстоящие годы как меру будущего. Теперь самооценка возраста выступает соотношением прошлого и будущего, т. е. мерой реализованного времени жизни. К примеру, если ожидаемая продолжительность жизни 70 лет, а самооценка возраста – 35 лет, то в последней отражена степень реализованного, то есть половина времени жизни. И здесь то, как человек относится к своему будущему, сколько лет он предполагает еще прожить, будет отражено в оценке возраста как меры прошлого.

Во-первых, ожидаемая продолжительность жизни является действительным феноменом человеческого сознания. В исследовании А. А. Кроника на вопрос: «Как Вы думаете, сколько лет вероятнее всего Вы проживете?», от всех опрошенных были получены ответы в диапазоне от 50 до 88 лет при средней оценке в 69,3 года (дисперсия – 9,4). Эта средняя оценка почти полностью соответствовала реальной средней продолжительности жизни в нашей стране.

Следовательно, ожидаемая продолжительность жизни представляет собой не произвольный мысленный конструкт, а отражает объективную картину продолжительности жизни. В исследовании не было обнаружено значимых возрастных различий: опрашиваемые в возрасте до 30 лет ожидали прожить в среднем 69 лет, а в возрасте 30 лет и старше – 69,4 года, что свидетельствует о независимости ожидаемой продолжительности жизни от возрастных различий в данном эксперименте.

Учитывая этот факт, попытаемся объяснить феномен консервации возраста влиянием на самооценку возраста представлений личности о времени жизни в будущем. Напомним, что консервация возраста проявилась в более выраженной тенденции к занижению своего возраста в старшей возрастной группе в сравнении с младшей. Люди от 30 лет и более оценивали себя намного моложе (в среднем на 8,3 года) реального возраста, а у лиц до 30 лет занижение самооценки было более чем вдвое меньше, фактически это означает стремление к сохранению нерастраченных резервов будущего времени, что при неизменной верхней границе жизни может быть сделано только за счет принесения в жертву своего прошлого, т. е., уменьшения числа прожитых лет. Тем самым занижение самооценки возраста может быть обусловлено таким субъективным фактором, как стремление человека в условиях ограниченного общего времени жизни и объ-

ективно уменьшающегося с каждым прожитым годом будущего времени, притормозить реальный процесс его истощения, заимствуя из неопределенного прошлого некоторое количество лет и как бы передавая их в фонд будущего.

Противоположная тенденция обнаруживается у престарелых малограмотных лиц, которые не могут точно определить свой возраст и в этой ситуации склонны его завышать. Данный феномен в демографии получил название «старческое кокетство», а в геронтологии - «социальное долгожительство».

Почему же на разных этапах жизни имеют место противоположно направленные тенденции в оценках возраста? Дело в том, что ранняя зрелость - это возраст, когда человек полон планов и, имея высокий жизненный потенциал, стремится к их реализации, следовательно, будущее приобретает здесь исключительную ценность. В связи с этим приведем мнение Г. Томэ, который характеризует обобщенного представителя данной возрастной группы - молодого взрослого «как возможно наиболее компетентного представителя вида 'человек'» [5].

В старости же большинство жизненных планов уже реализовано или утратило свою актуальность, а наиболее продуктивные периоды жизни остались в прошлом. Поэтому именно прошлое приобретает для человека наибольшую ценность. «Если юноши все измеряют надеждой, то старики прошлым».

Эта мысль подтверждается исследованием возрастной динамики эмоциональных процессов: в старости «ослабление аффективной жизни лишает яркости и яркости новые впечатления, отсюда - привязанность к прошлому, власть воспоминаний».

В результате доминирования ценности будущего в ранней зрелости и прошлого в старости происходит как бы «перекачивание» времени жизни из менее ценной его составляющей в более ценную. Как видим, направление этого субъективного перераспределения времени непосредственно связано со степенью реализованности времени на разных этапах жизни. Потребность в изменении своего психологического возраста возникает всякий раз, когда по каким-либо причинам человек недоволен своим настоящим хронологическим возрастом. А такое бывает не так уж и редко. В детстве и юности он хочет казаться старше своих лет, а в ранней зрелости все с большей ностальгией начинает оглядываться на годы своей юности, старея же, мечтает о зрелых годах. Психологический возраст как мера субъективной реализованности психологического времени личности дает возможность в любом хронологическом возрасте выйти за пределы его «фатальной» определенности, изменить свое положение в возрастной градации. Возможности эти, однако, не безграничны. С одной стороны, в юности еще слишком мал отрезок хронологического прошлого для полной реализации значимых жизненных линий (причинно-целевых связей), а с другой - по мере старения все более истощаются резервы будущего, что ограничивает возможность насыщения его перспективными линиями. Об этом, в частности, свидетельствуют эмпирические данные, полученные в исследованиях возрастной динамики жизненной

перспективы. Указанные факторы накладывают объективные ограничения на возможность чрезмерного «отрыва» психологического возраста от хронологического.

Вместе с тем, благодаря механизмам временной децентрации, иногда удается «перехитрить» хронологический возраст, казалось бы, с неизбежностью прибавляющий один год жизни за другим. Дело в том, что психологический возраст личности зависит не только от соотношения прошлого, настоящего и будущего, не только от ожидаемой продолжительности жизни, но и от локализации личного временного центра на оси хронологического времени. И если при прочих равных условиях временной центр смещен в прошлое, то тем самым уменьшается удельный вес психологического прошлого, а следовательно, и психологический возраст личности. Поэтому «жить в прошлом» - одно из средств компенсации процессов биологического и социального старения. Человек, уходящий в воспоминания прежних лет, актуализируя реализованные связи и события, одновременно молодеет в ощущении своего возраста.

Механизм компенсации старения путем временных децентраций отчетливо проявляется в болезненном состоянии, когда человек пытается найти убежище в прошлом, все чаще возвращаясь к воспоминаниям детских лет.

К иным эффектам приводят устойчивые децентрации в будущее. В этом случае удельный вес психологического прошлого увеличивается и, как это ни парадоксально, «живя в будущем», человек должен чувствовать себя старше, чем «живя в настоящем». Неадекватная «взрослость» подростка может быть объяснена именно тем, что, переполненный планами и надеждами, он весь устремлен в будущее, мысленно переживает их свершение и поэтому воспринимает долгий путь к намеченным целям уже почти реализованным.

Если при временной децентрации изменяется только точка обзора, с которой человек рассматривает свою жизнь, занимая при этом позицию пассивного наблюдателя, «не вмешивающегося» ни в содержание событий, ни в структуру межсобытийных связей, то активное творческое отношение к собственной жизни предполагает другой путь психовозрастной саморегуляции, который может быть назван реконструкцией субъективной картины жизненного пути личности. В том, что человек сам является творцом своего возраста, был убежден Дж. Брунер, который писал, что «мера жизни не в ее длительности, а в том, как вы использовали ее: иной прожил долго, да пожил мало; не мешкайте, пока пребываете здесь. Ваша воля, а не количество прожитых лет определяет продолжительность вашей жизни». В единстве воли и знания личности о структуре собственного психологического времени заключен источник активной саморегуляции возраста.

Поскольку психологический возраст определяется, прежде всего, долей реализованных межсобытийных связей в их общей структуре, он может быть изменен личностью, благодаря реконструкции

этих связей – пересмотру будущей жизненной перспективы и переосмыслению роли прошлых событий, их влияния на настоящее и будущее. Так, психологическая «старость» может наступить для человека и в сравнительно молодом возрасте, когда он большинство наиболее значимых событий относит к прошлому и не видит в них причин и средств реализации значимых событий в будущем. В этом случае прошлое становится замкнутой, самодовлеющей системой, оторванной от будущего человека, его жизненной перспективы, а сам человек психологически увеличивает свой возраст, преждевременно приближаясь к старости, если не по хронологическому и биологическому возрасту, то, по крайней мере, по субъективному самоощущению. Измерение психологического возраста выполняет определенную психотерапевтическую функцию, помогая некоторым лицам осознать пессимистический характер их отношения к собственному времени жизни, преобладание в нем реализованных отношений по сравнению с актуальными и потенциальными. И здесь исключительно важно, чтобы, исходя из полученных данных о своем психологическом возрасте, человек мог сознательно изменять соотношение ретроспективных и перспективных элементов в субъективной картине жизненного пути, реконструируя причинно-целевые связи между событиями жизни так, чтобы они осознавались реальными условиями и предпосылками будущих достижений.

Но забвение прошлого и не имеющее глубоких оснований произвольное насыщение событиями будущего, мечты и радужные надежды, не подкрепленные реальными детерминантами в прошлом, означают психологический «инфантилизм», своеобразное детство в зрелости. Неадекватность такой психовозрастной позиции обусловлена тем, что у человека создается иллюзия неограниченности будущего, не соответствующая реальным возможностям индивидуального жизнеосуществления.

Необходимо, чтобы человек ясно знал, что будущее как возможность превращается в действительность лишь в той мере, в какой оно было подготовлено всей прошлой деятельностью, теми событиями, которые становятся причинами и средствами, порождающими актуальные связи в структуре психологического времени. В этом случае реконструкция субъективной картины жизненного пути должна быть направлена на глубокое переосмысление самого событийного содержания будущего, чтобы среди этих событий в первую очередь были выделены те, которые действительно являются реальными ориентирами развития личности.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что наиболее адекватным направлением реконструкции, сознательно осуществляемой личностью, является приведение психологического возраста в определенное соответствие с хронологическим, что является существенной предпосылкой рационального использования личностью времени ее жизни. При этом следует учитывать, что речь в данном случае идет о зрелом этапе человеческой жизни. Что касается детства, пожилого и старого

возраста, то здесь возможны иные механизмы рациональной регуляции психологического возраста, связанные со спецификой психологической организации личности на данных этапах жизни. Этот вопрос требует дальнейших специальных исследований.

В исследовании Н. Г. Черепановой полученные результаты свидетельствуют о некоторых различиях в оценке психологического времени у мужчин и женщин [1].

У мужчин менее велик разброс в адекватной оценке времени, большая часть их принадлежит нормативной группе, у женщин же этот разброс более выражен.

Степень отклонения от нормы в оценке психологического времени мало зависит от образования; данное исследование практически не выявило подобную тенденцию ни у мужчин, ни у женщин.

На степень адекватной оценки психологического времени лишь у женщин влияет семейное положение, у мужчин же подобной тенденции в данном исследовании выявлено не было.

На адекватность оценки психологического времени влияет принадлежность к той или иной возрастной группе. Подобная тенденция была выявлена у опрошенных мужчин, у женщин же подобный разброс присутствует в сочетании с другими факторами: семейным положением, социальным статусом.

Итак, существуют отличия в оценке временных этапов в зависимости от пола, причем это проявляется в сочетании с другими факторами.

Подводя итог рассмотрению теоретических и экспериментальных подходов к проблеме психологического времени, следует еще раз отметить, что основные линии исследования – психологический возраст (временная идентичность) и психологическое время – не тождественны. Осознание времени своего существования – важное дополнение к осознанию собственной идентичности, и реализуясь через осмысление человеком своего психологическим временем во взаимосвязи с социальным временем, временем эпохи, порождает некоторую «концепцию времени», свойственную каждой личности. Но все же концепцию времени, а не концепцию Я.

Итак, степень реализованности психологического времени является интегральным субъективным фактором формирования самооценки возраста. Здесь находят отражение и представления личности о наиболее вероятной для нее продолжительности жизни и о числе прожитых и предстоящих лет, и, наконец, событийное содержание личного прошлого, настоящего и будущего.

Литература

1. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – С. 126 – 149.
2. Ананьев, Б. Г. Избранные психологические труды / Б. Г. Ананьев. – В 2-х т. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1980. – 336 с.

3. Ахундов, М. Д. Концепция пространства и время. Истоки, эволюция, перспективы / М. Д. Ахундов. – М.: Наука, 1982. – 256 с.
4. Белинская, Е. П. Временные аспекты Я – концепции и идентичности / Е. П. Белинская // Мир психологии. – М., 1999. – № 3. – С. 141.
5. Кроник, А. А. Психологический возраст личности / А. А. Кроник, Е. И. Головаха // Психологический журнал. – М., 1983. – № 5. – С. 57 – 65.
6. Кроник, А. А. О психотерапевтическом эффекте каузометрической диагностики / А. А. Кроник // Тезисы докладов. – Красноярск, 1986. – С. 147 – 148.
7. Мухина, В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество / В. С. Мухина. – М.: Академия, 2002. – 456 с.

УДК 371.134

К. М. Грабчук

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В УЧЕБНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

С развитием в России социальных служб и социальной работы возникла потребность в оказании психосоциальной помощи населению. Психосоциальная работа – это область социальной работы, связанная с учетом психологических факторов и использованием психологических методов и средств. Потребность в психосоциальной работе возникает прежде всего в случае социальной дезадаптации клиента, при возникновении у него социально-психологического неблагополучия, что может быть вызвано причинами не только внешнего характера (социально-экономическими, медико-социальными, смена места жительства, потеря работы, семьи и др.), но и внутреннего (неадекватность самооценки, нарушение эмоционально-коммуникативной и мотивационно-нравственной сферы, психотравмы, комплексы) либо их сочетанием [2]. Психосоциальная помощь требуется при решении самого широкого круга проблем, на первое место среди которых выходят семейные, включая как осложнения и трудности в детско-родительских, так и в супружеских отношениях. Как показывает практика, одним из актуальнейших направлений социальной работы является оказание социально-психологической помощи населению. Это обусловливается необходимостью реализовать один из важнейших принципов социальной работы: активизировать клиента для решения собственных проблем. Без глубокого знания психологии, характерных психологических проблем человека, оказавшегося в трудной жизненной ситуации, умений и навыков консультирования и организации профилактических мероприятий, направленных на поддержание и сохранение психологического здоровья населения, реализация данного принципа невозможна. Кроме того, социальная работа с такими категориями населения, как люди с ограничением возможностей, лица с тяжелыми инвалидизирующими заболеваниями, душевнобольные и наркологические больные, пожилые люди с инволюционными психическими расстройствами, девианты и др. требует специальных психологических знаний [1].

Специалисты по социальной работе решают экономические и правовые проблемы клиентов, но оказать психологическую поддержку человеку, кото-

рый обратился за помощью к специалисту в учреждении социальной защиты, социальные работники не могут в силу своей психологической некомпетентности. В настоящее время возросло количество экстремальных и техногенных катастроф, и появилась необходимость в оказании именно психологической помощи пострадавшим, а специалистов, способных оказать такую поддержку, недостаточно. Именно этим вызвана необходимость в подготовке психосоциальных работников, которые обладают знаниями и умениями оказания психологической помощи различным категориям населения, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Таким образом, следует говорить о возросшей роли социально-психологической компетентности социальных работников.

Понятие «социально-психологической компетентности» рассматривается в науке неоднозначно. Так, например, в словаре А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского это «способность индивида эффективно взаимодействовать с окружающими его людьми в системе межличностных отношений. В состав социально-психологической компетентности входит умение ориентироваться в социальных ситуациях, правильно определять личностные особенности и эмоциональные состояния других людей, выбирать адекватные способы обращения с ними и реализовывать эти способы в процессе взаимодействия. Социально-психологическая компетентность формируется в ходе освоения индивидом систем общения и включения в совместную деятельность» [5]. Это определение социально-психологической компетентности близко к понятию «коммуникативная компетентность», которая рассматривается в рамках социальной психологии. Но, на наш взгляд, необходимо говорить о социально-психологической компетентности применительно к деятельности социального работника.

Учитывая актуальность проблемы оказания психосоциальной помощи различным категориям населения, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, мы можем отметить, что значительную роль в социальной работе играют ее психологические основы. Психологические знания и умения необходимы при решении самого широкого круга про-